

Decker, Kerstin: Die Schwester. Das Leben der Elisabeth Förster-Nietzsche. – Berlin: Berlin Verlag, 2016. – 653 s. – ISBN 978-3-8270-1277-7

Декер, Керстин: Сестра. Жизнь Элизабет Фёрстер-Ницше. - Берлин: Издательство Берлин, 2016. – 653 с. - ISBN 978-3-8270-1277-7

Рецензент / Rezensent:

Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

Изучение творчества немецкого философа конца XIX века Фридриха Ницше представлено множеством работ исследователей разных стран. Общепринятым считается утверждение о том, что его творчество оказало огромное влияние на развитие философии XX века. Взрывная сила его суждений до сих пор сотрясает исследовательское пространство, вызывая жаркие дискуссии относительно его утверждений. Не менее резкие суждения касаются и его жизни, связанные с биографией философа и его взаимоотношениями с сестрой. Влияние деятельности сестры Фридриха Ницше Элизабет Фёрстер-Ницше, после постигнутого его безумия, на интерпретацию наследия и определение ею важнейших биографических сторон жизни брата приобрело скандальную известность во второй половине XX века. Однако отдельного предметного исследования биографии Элизабет Фёрстер-Ницше не предпринималось в историографии. Книга Керстин Декер представляет собой попытку реконструкции биографии и взаимоотношений Фридриха и Элизабет, деятельности сестры по институционализации наследия Фридриха Ницше путем создания Архива Ницше, интеллектуальных и политических контактов между нею и радикальными течениями Европы первой половины XX века.

Исследование К. Декер опирается на опубликованную переписку Ф. Ницше и Э. Фёрстер-Ницше, на основе которой автор реконструирует отношения между ними, а также личное пространство каждого из них. С первых страниц книги автор подчеркивает, что утвержденный в историографии стереотип «демона сестры» требует существенного уточнения и пересмотра. С феминистским пылом К. Декер старается установить, кем же была Элизабет Фёрстер-Ницше на самом деле? (S. 11)

Автор рассматривает историю Э. Фёрстер-Ницше на фоне контекста семейных отношений и интеллектуального климата в кругу семьи. Отмечается религиозная составляющая пасторской семьи Ницше, формировавшая мировоззрение Элизабет, которая была девушкой религиозной (S. 75). Вместе с тем, музыкальные предпочтения ее были созвучны вагнеровскому влиянию, как и у брата. К. Декер отмечает, что долгие годы отношения между братом и сестрой были достаточно близкими и открытыми. В качестве подтверждения указывается на причастность Элизабет к любовному треугольнику Ф. Ницше, Лоу фон Саломе и Пауль Рее (S. 35-57). Автор указывает, что антирелигиозность Лоу оказала воздействие на представления влюбленного в нее Ницше, называвшего ее своей «счастливой находкой» (S. 99). В этом любовном треугольнике Элизабет занимала сторону брата, полагая, что отъезд Лоу в Петербург обережет его от пагубного влияния (S. 79). Автор полагает, что вражда между Ф. Ницше и его сестрой основывалась на том, что он был лично несчастлив с женщинами (S. 175).

К. Декер, рассматривая взаимоотношения Элизабет и Бернхарда Фёрстера, отмечает, что существует параллель интересов Б. Фёрстера и Ф. Ницше. Их объединяло стремление к улучшению человечества, вера в душевную силу вагнеровской музыки, готовность к самопожертвованию (S. 127-130). По мнению автора, для Элизабет они были двумя одинокими людьми, один в горных вершинах Альп, другой в Парагвае, не

желавших возвращаться в Германию, заботе о которых была посвящена ее жизнь (S. 170). Миссионерская деятельность Б. Фёрстера по созданию в Парагвае колонии «новой Германии» воодушевили Элизабет, которая не только присоединилась к нему, но и стала воспринимать его антисемитские взгляды. К. Декер полагает, что на ее мировоззрение оказала воздействие книга П. де Лагарда «Немецкие сочинения», которая соперничала в ее представлении с евангелием. Нам представляется, что К. Декер заблуждается, называя это сочинение «библией антисемитизма», так как тема европейских евреев не была основной в этом сборнике статей Лагарда (S. 168). Дистанция между братом и сестрой была усилена еще и начавшейся трансформацией представлений философа, ознаменовав начало второго этапа творчества Ницше, открывшегося публикацией «Так говорил Заратустра». Элизабет считала это сочинение антивагнеровским, где идеал сверхчеловека не совпадал с ее мировоззренческими представлениями (S. 179). Самоубийство Б. Фёрстера в Парагвае после крушения колонии «новая Германия» в 1889 г. заставило Э. Фёрстер вернуться в Германию, к матери, которая жила вместе с больным сыном (S. 233-241).

К. Декер совершенно справедливо указывает на черты характера Э. Фёрстер, которые позволили ей впоследствии подчинить себе контроль над наследием ее брата – ее властность, которая видна на приводимых в книге фотографиях. Ее планы строились на том, чтобы объединить все сочинения и бумаги Ф. Ницше в одном месте, опубликовать биографию брата и осуществить издание его сочинений (S. 258). Автор утверждает, что «наверное, не Парагвай был великой авантюрой ее жизни, а архив» (S. 533). К. Декер отмечает столкновение между Элизабет и друзьями Ницше, которые отмечали пагубность ее влияние на наследие его философии (S. 270, 278). Автор склонна видеть началом процесса конструирования Элизабет Фёрстер-Ницше биографии брата написанием ею книги «Жизнь Фридриха Ницше», первый том которой посвящен детству, а второй – истории взаимоотношений Ницше и Вагнера, где она использует частную переписку между Ницше и Козимой Вагнер, без разрешения последней (S. 326).

Важным пунктом истории Архива Ницше стала публикация «Воли к власти», которая была представлена как главное сочинение больного философа. Объясняя мотивы публикации, К. Декер отмечает стремление Элизабет к систематизации представлений Ф. Ницше, прекрасно понимая неприятие братом любой системы, так как она убивает дух. В названии «Воля к власти», по мнению сестры, выражалась основная концепция философа (S. 399-402).

К. Декер реконструирует историю взаимоотношений Э. Фёрстер-Ницше с Р. Штайнером и Г. фон Кесслером, активно сотрудничавшими с Архивом Ницше. Автор рассматривает перипетии борьбы за интеллектуальное наследство Ницше между сестрой и близкими друзьями Ницше, определяет систему коммуникационных связей по пропаганде наследия Ницше. К. Декер отмечает, что Э. Фёрстер-Ницше стремилась не только сформировать контроль над наследием Ницше, но и выступить как основательница нового Веймара, предполагавшего организацию вечеров в честь Ф. Ницше. Автор прослеживает в этом желание Э. Фёрстер-Ницше уравновесить значимость фигур Гёте и Ницше в пространстве Веймара как творцов религии будущего, религии живущего духа (S. 438-439).

Постоянные нападки на Архив Ницше, стремление дискредитировать философское наследие Ф. Ницше заставили Э. Фёрстер-Ницше активно противодействовать этому. К. Декер утверждает, что именно этим объясняется публикация ею книги «Архив Ницше. Его друзья и враги», в которой она старалась представить деятельность архива по защите интеллектуального наследия Ницше (S. 463). К. Декер видит подтверждение этого в создании в 1907 г. Фонда Фридриха Ницше, публикацией пятитомной корреспонденции Ф. Ницше, в которой основной упор делался на отражение отношений философа с сестрой.

К. Декер анализирует процесс мифологизации Ницше путем превращения его в дух империалистического мира. Она усматривает это в воздействии на европейских

интеллектуалов переломных событий Первой мировой войны, представлявшейся как европийшеанской войны (S. 502). Автор рассматривает деятельность основанного в Мюнхене Общества Ницше, личные контакты между Э. Фёрстер-Ницше и праворадикальными европейскими политиками, например. Б. Муссолини (S. 577-579). Отдельно автор выделяет отношения Э. Фёрстер-Ницше и А. Гитлера, с чем связывает усиление антисемитской направленности деятельности Архива Ницше, несмотря на то, что многолетним спонсором как Архива, так и Э. Фёрстер-Ницше был ее шведский еврейский друг Эрнест Тиль. В этом прослеживается конъюнктурность политики Архива по отношению к нацистским властям, усилившаяся после посещения А. Гитлером Архива Ницше 20 июля 1934 г. (S. 596-599). К. Декер отдельно подчеркивает появление в Архиве нового сотрудника, члена нацистской партии Карла Шлехты, который после Второй мировой войны доказал подложность текста «Воли к власти». Автор специально приводит сообщение Шлехты о посещении Архива Гитлером, подчеркивая его нацистское прошлое. При этом автор уклоняется от четкого ответа на вопрос об авторстве «Воли к власти» Элизабет Фёрстер-Ницше (S. 599).

Вывод К. Декер в конце книги носит компромиссный характер. Вина Э. Фёрстер-Ницше лежит в идеале единства слова и дела. Автор утверждает, что «Элизабет Фёрстер-Ницше не монстр» (S. 607). Истина находится посередине. Превосходство мужчин, превращало ее в сообщницу их падения в бездну. Это была тривиальная трагедия опасных идей мужчин, ответственность за которые была возложена на женщину.

Fröhlich, Gregor: Soldat ohne Befehl. Ernst von Salomon und der Soldatische Nationalismus. – Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2018. – 426 s. – INSB 978-3-506-78738-5

Фрёлих, Грегор: Солдат без приказа. Эрнст фон Заломон и солдатский национализм. – Падерборн: Издательство Фердинанд Шёнинг, 2018. – 426 с. – INSB 978-3-506-78738-5

Рецензент / Rezensent:
Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

Интеллектуальная среда германской культуры XX века представлена известными именами мыслителей и писателей, повлиявших на германское общество и человечество в различные годы. Наравне с известными представителями немецкой философии и культуры были писатели, которые имели популярность в разные годы германской демократии и сейчас во многом забыты. Однако их жизнь и творчество являются слепком эпохи. В них отражаются духовные и политические поиски германской молодежи межвоенного периода.

Монография Грегора Фрёлиха посвящена биографии одного из ярких немецких писателей Веймарской республики, получившего известность не только благодаря размышлениям о современности, но и своей практической деятельностью. Следует говорить скорее об обратном: активное участие в военной и политической деятельности послевоенной веймарской Германии привели Эрнста фон Заломона к осмыслению событий, в которых он принимал участие, открыв ему путь в немецкую литературу. Его романы «Вне закона», «Город», «Анкета», а также политическая публицистика веймарского периода позволяют причислить его к правому спектру германского общества, к направлению, которое германская историография определяет как солдатский национализм, входивший в интеллектуальное течение консервативной революции.

Эрнст фон Заломон получил известность больше как писатель, чем теоретик консервативной революции, входивший в круг Эрнста Юнгера, печатаясь в издаваемых им журналах и сборниках статей. Следует отметить, что германская историография достаточно поздно обратилась к изучению личности и творческого наследия писателя. Впервые его биография была написана Кляйном в начале XXI века (Klein, Markus: Ernst von Salomon. Revolutionär ohne Utopie. Aschau i. Ch. 2002). Рецензируемая монография Фрёлиха существенно отличается от подхода Кляйна тем, что погружает Э. фон Заломона в исторический контекст, стремясь понять не только влияние внешних событий, оказавших воздействие на его жизнь, но и систему ценностей, социальное окружение, духовный мир, в котором жил герой исследования. Это позволяет автору через реконструкцию духовной среды выявить побудительные мотивы деятельности Э. фон Заломона в годы Веймарской республики, нацизма и ФРГ. Жизнь и ее отражение в книгах Э. фон Заломона дают возможность проследить эволюцию взглядов мыслителя.

Г. Фрёлих отмечает, что в стремлении Э. фон Заломона выработать представление о германской истории XX века до 1945 г. наблюдается авторский поиск смысла жизни, нашедший отражение в его основных произведениях: «Вне закона» (1930), «Город» (1932), «Кадеты» (1933), а также ключевой работе «Анкета» (1951) являвшимися определенным слепком кризисного времени (S.10, 12). Автор совершенно справедливо отмечает, что стилизация солдатской жизни, путем объединения кадетского и фрайкоровского прошлого, а также критическое отношение к Веймарской республике и отрицание либерализма как общественного порядка составили основу мировоззрения Э.

фон Заломона. В стилизации солдатской жизни проявлялось стремление к идентификации. Автор полагает, что в его желании выработать солдатскую идентичность можно выделить три фазы: 1) 1913-1918 гг. – в качестве курсанта прусской кадетской школы; 2) 1918- 1933 гг. – как бойца фрайкора; 3) 1945-1972 гг. – специфический национальный солдатский пацифизм. Поэтому произведения Заломона трактуются автором как «маньякальная самореклама» в условиях потери самоидентификации, когда он сам назвал себя солдатом (S.20-21).

Рубежом в жизни, повлекший за собой данные процессы, была германская революция 1918 г., когда Заломон был вынужден перейти из официального статуса регулярного солдата как кадета прусской школы в положение иррегулярного партизана как члена фрайкора и послевоенных террористических групп (S.24). Следует согласиться с утверждением автора об особой активности поколения 1902 г., которое можно назвать «не успевшим» попасть на поля мировой войны и внутренне переживавшим свое неучастие в глобальном событии. Этим объясняется жажда деятельности данного поколения, которое могло быть либо националистическим авангардом, либо участвовать в парамилитаристском фрайкоре или находится в коммунистическом окружении (S.29-30). Причастность Э. фон Заломона к убийству министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау преследовало его всю оставшуюся жизнь, не только в виде тюремного заключения, но и последующей славы писателя, успешно использовавшего эту биографическую страницу. Фрëлих справедливо подчеркивает, что жизнь и сочинения Э. фон Заломона совершенно различны. Его романы являются не автобиографией, а автофикцией, стремлением показать события так, как ему хотелось. Фактически на страницах романов «Вне закона» и «Анкета» писатель старается оправдать себя (S.33-35). Однако нам представляется, что эти произведения также передают атмосферу послевоенной Германии и выступают авторским свидетельством, требующим критического отношения.

Г. Фрëлих анализирует годы ученичества Э. фон Заломона как время формирования ценностных ориентаций, повлиявших на его дальнейшую жизнь. Система воспитания кадетов опиралась на ценности прусского офицерского корпуса, отраженные в принципах чести и долга. Кадетская система воспитания послужила необходимой социализацией юношей в германском обществе. Автор утверждает, что закрытая юношеская система воспитания способствовала формированию гомоэротизма среди кадетов, хотя Э. фон Заломон утверждает, что дружеские отношения между старшими и младшими курсами не предполагали сексуальные отношения (S.68). Кадетская система воспитывала юношей в ценностях героизма, жертвенности, готовности умереть за Отечество на поле боя, где идеалом выступала героическая смерть, а не уход на пенсию по выслуге лет (S.84-86). Г. Фрëлих полагает, что жесткая система военного воспитания, осуществляемая в кадетской школе, субкультура взаимного насилия, отложили отпечаток на всю последующую жизнь Э. фон Заломона (S.65). Система кадетского воспитания послужила зародышем будущего веймарского терроризма (S.97). Нам представляется, что следует видеть в системе кадетского воспитания стремление сформировать характер германского офицера, ответственного и способного принимать решения. В условиях кризиса государственности терроризм был одним из средств борьбы, который не следует напрямую выводить из прусского офицерского кодекса чести.

Воинский идеал героического находил свое воплощение в войне. Кадеты периода войны боялись опоздать на фронт, и когда в 1918 г. война закончилась, у многих из них произошло крушение ценностей. В 1918 г. многие кадеты упустили не только войну, но и свою судьбу (S.91). Они были как безжизненные мертвецы, чувствующие свою бесполезность и брошенность. Следует согласиться с мнением Г. Фрëлиха о том, что именно ноябрьские события 1918 г. превратили Э. фон Заломона в солдата без приказа. Нападения революционных масс на солдат, избиение Э. фон Заломона в форме революционными рабочими вызвали в нем чувство ненависти против революционной

массы. Эта ненависть обращалась к современности, воспринимая революцию как травму, лишившую его определенного места в обществе (S.103-105, 107). В декабре 1918 г. он увидел солдат, возвращавшихся с фронта, с суровыми, сосредоточенными лицами, в которых он узнавал тот идеал солдата, к которому его готовили. Неполученный военный опыт он восполнил службой в фрайкоре. Г. Фрелих прав, говоря о том, что для студентов и кадетов служба в фрайкоре была шансом пройти войну и присоединится к миру военных переживаний и военного опыта (S.118, 123).

Действия фрайкора в Прибалтике были продолжением войны и воспринимались как борьба с националистическими или коммунистическими литовскими группами. Автор отмечает, что действия правительства по выводу частей фрайкора из Прибалтики были восприняты ими как предательство, способствуя формированию второй легенды об ударе кинжалом в спину (S.172). Г. Фрелих утверждает, что солдатский национализм сформировался у Э. фон Заломона именно в частях фрайкора. Он выделяет шесть структурных компонентов солдатского национализма: 1) принятие военных кодированных точек зрения; 2) центрирование политических представлений о элитарно-мифической нации, с последующими размышлениями о нации и пространстве вместо классов и рас; 3) распространение иерархически-авторитарного нового порядка посредством „фронтальной общности“ как интегральной модели преодоления социального разделения немецкого народа; 4) прославление войны как смыслового события современности; 5) революционный волюнтаризм и риторика действия; 6) выбор героического реализма как литературного стиля (S.179-180).

Г. Фрелих полагает, что появление нового национализма как одного из направлений консервативной революции было стремлением осуществить солдатскую идентичность посредством метафизических образов нации и солдата (S.179). Отличительной особенностью солдатского национализма автор обосновано полагает склонность не к выработке идей, а к действию. Следует отметить, что это не исключало выработку идей. Стремление к действию наиболее ярко отражается на биографии Э. фон Заломона через участие в деятельности террористических групп. Автор полагает, что образом идентификации выступал ландскнехт, как аватар войны, носящий мистический характер и представляющий солдатское общество как идеал будущего (S.181, 191). Г. Фрелих делает вывод о том, что фронтальной социализма был формой интегрального национализма, отличающегося от национализма кайзеровской империи, защищавшей классовые интересы, тем, что выражает интересы всех слоев (S.209). Поэтому его политическим противником являлась либеральная демократия и парламентаризм Веймарской республики. Исследователь связывает фрайкоровца, отличавшегося от кадрового солдата тем, что вступал в борьбу без приказа, с партизанским бойцом немецких правых, выступавшим элементом идеологической Гражданской войны (S.234). Г. Фрелих совершенно прав в том, что в представления Э. фон Заломона включали два ключевых компонента: солдатский социализм и антизападный, антилиберальный подход (S.240).

Политическим представлениям, которые были сформулированы в конце 1920-х годов, предшествовала политическая и террористическая деятельность Э. фон Заломона. Он был причастен к убийству министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау, был близко знаком с его убийцей Эрвином Керном и членами Организации Консул. За пособничество в убийстве он был приговорен к 5 годам заключения в исправительном учреждении и 5 годам поражения в гражданских правах (S.271-274, 282). Освободившись из заключения, он примыкал к кругу Эрнста Юнгера, печатался в его изданиях и политически участвовал в движении ландфолька, в котором состоял его брат Бруно, кульминацией чего стало участие во взрыве в здании рейхстага 1 сентября 1929 г. Автор совершенно справедливо отмечает, что объявление А. Гитлером денежной премии в 10 тыс. марок за поимку террористов, привело к отказу национал-

революционеров от любых контактов с нацизмом. Э. фон Заломон стал рассматривать нацизм как плебейскую организацию, продукт демократической традиции 1789 г. (S.301).

В годы национал-социализма Э. фон Заломон отошел от активной деятельности и своими личными связями и любовными отношениями с еврейками демонстрировал свою дистанцию по отношению к режиму. Он занялся написанием сценариев для киностудии UFA (S.318), а после войны 15 месяцев провел в американском лагере (S.337). Написанный в ФРГ в 1951г. роман «Анкета», ставший бестселлером, был ироничным взглядом Э. фон Заломона на процесс денацификации. В послевоенные годы он стал увлекаться левыми идеями и высказывал симпатии к коммунизму. Его взгляды трансформировались в национальный пацифизм как антизападную стратегию (S.360). Он высказывал симпатии к антиатомному и антиколониальному движению, рассматривая Германию как последнюю колониальную область (S.373-374). В 1960-е гг. писатель сблизился с левым национализмом и маосизмом, но сохранял дистанцию по отношению к студенческому движению 1968 г. (S.386). Скончался Эрнст фон Заломон 9 августа 1972 г. в Штокте.

Монография Г. Фрелиха позволяет на примере жизни Э. фон Заломона понять политические и духовные искания германской молодежи в переломные моменты германской истории и сквозь жизненный путь ее отдельного представителя понять время, современником которого он был.

Reitzenstein, Julien: Himmlers Forscher. Wehrwissenschaft und Medizinverbrechen im „Ahnenerbe“ des SS. – Paderborn; Ferdinand Schöningh Verlag, 2014. – 415 s. – ISBN 978-3-506-76657-1

Райценштайн, Юлиен: Гиммлеровские исследователи. Военная наука и медицинские преступления в „Ананербе“ СС. – Падерборн: Издательство Фердинанда Шёнинга, 2014. – 415 с. - ISBN 978-3-506-76657-1

Рецензент / Rezensent:
Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

История германского национал-социализма на протяжении долгих лет обстоятельно изучается германской и мировой историографией столь интенсивно, что создается впечатление, что рамках данной исследовательской проблемы уже не осталось областей, тем и сюжетов, которых бы не коснулись исследователи. Объем исследований настолько масштабен, что представляется затруднительным даже познакомиться с ним. Акцент на преступления нацистского режима позволил ученым реконструировать преступную политику национал-социализма в отношении отдельных народов, социальных групп и политических движений. Изучение поликратической борьбы сделало возможным рассмотреть систему властных коммуникаций, демонстрирующую внутреннюю иерархию нацистского государства. Изучение «империи Гиммлера» занимает особое место в силу того, что СС было политическим мировоззренческим движением нацизма, с которым связан кровавый след, оставленный им в истории.

Написанная Юлиеном Райценштайн монография необычна в силу того, что затрагивает тему взаимосвязи науки и политики нацизма, ученых и сотрудников СС. Она рассматривает историю деятельности Института военно-научных практических исследований, входившего в структуру Ведомства А Главного управления Личного штаба рейхсфюрера СС, более известного под своим названием – Аненербе. Изучению истории, структуры и деятельности Аненербе была посвящена, ставшая уже классической, монография канадского историка Михаэля Катера, защищенная ранее как диссертация под руководством Вернера Конце [Kater, M.H.: Das „Ahnenerbe“ der SS. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. – 4. Aufl. – München, 2006]. Несмотря на обстоятельность исследования Катера, деятельность Института военно-научных практических исследований была только затронута автором, поэтому исследование Райценштайн позволяет представить деятельность всех структурных компонентов Аненербе. Отдельно следует сразу оговориться, что именно с деятельностью некоторых отделений института связана зловещая слава этой организации, которая ассоциируется с медицинскими экспериментами над людьми в рамках научных или военных проектов.

Исследование Райценштайн опирается на методологический подход современной германской историографии, который рассматривает нацистское государство как поликратическое господство, по образной характеристике Й. Кершоу, систему власти «работающую вопреки вождю». Автор дополняет поликратический подход позицией, высказанной Хахтманом о том, что нацистский режим был не только поликратически структурирован, но и представлял собой объединение личностного господства, сильного влияния личностного фактора на политику, «персонализацию политики» (S. 12-14).

Исследование Райценштайн нацелено не только на рассмотрение деятельности Аненербе и отделений Института военно-научных практических исследований, но и выявление роли личностного фактора в деятельности отделений института, установление системы личных коммуникационных связей при проведении научных исследований,

политической и научно-организационной системы научных исследований в рамках СС. Фактически предпринимается попытка посмотреть на научные программы СС сквозь личности их разработчиков, выявить взаимосвязь исследователей и властных структур СС в реализации научных проектов. В этой связи автор уделяет основное внимание ключевой фигуре, фактическому руководителю Института военно-научных прикладных исследований В. Зиверсу, личность которого находится на пересечении многочисленных научных программ, реализовывавшихся под эгидой СС и при прямом его финансировании. Райценштайн видит в личности Зиверса активного представителя административного аппарата ведомства Гиммлера в области научной политики СС (S. 17).

Основанное в 1935 г. «Аненербе» было продуктом политико-идеологической воли нацистского государства, в своем развитии находившееся под большим влиянием личностей, им руководившими. Образование в рамках «Аненербе» Института военно-научных практических исследований было направлено на выработку новых медицинских методов и медикаментов военной направленности. Определение политики института в области научных исследований осуществлялось Зиверсом (S. 16), который в перспективе планировал масштабные структурные изменения, направленные на трансформацию института в Исследовательское ведомство СС, сохраняя за собой пост особого комиссара по исследованиям СС (S. 304). В. Зиверс был учеником Фридриха Хильшера, представителя «консервативной революции», входившего в его «круг». В 1932 г. по протекции Хильшера Зиверс становится научным секретарем Германа Вирта, исследователя германистики и древней истории, который в 1935 г. возглавил «Аненербе».

«Аненербе» первоначально было ориентировано на изучение германистики и ранней древней истории, но затем, в связи с отставкой Вирта и заменой его Вюстом приобрело большую профессиональную научную направленность. Накануне войны оно получило два дополнительных направления исследований: расоведение как биологическая основа антропологии и медицинские исследования в рамках природной и экспериментальной медицины (S. 32-35). Райценштайн обосновано утверждает, что основателями и инициаторами военных исследований в рамках СС следует считать Гиммлера, Вюста и Зиверса, причем последний демонстрировал свою автономию и властные возможности глав «Аненербе» Вюсту (S. 35). Гиммлер проявлял интерес к медицине и медицинским исследованиям, и образование в 1942 г. по инициативе Зиверса Института способствовало не только включению медицинских исследований в систему СС, но и служило средством борьбы компетенций между министром образования Рустом, министром вооружений Шпеером, а также Розенбергом (S. 40, 45).

Давая характеристику В. Зиверсу, Райценштайн отмечает, что многочисленные свидетельства о нем как о человеке умном и интеллигентном, интересующимся научными исследованиями представляют собой только одну сторону личности, оттеняющую другую часть его жизни – организатора медицинским опытов над людьми, приведших к смерти (S. 63). По мнению автора, Зиверс был таким же «специалистом по науке», как А. Эйхман был «специалистом по еврейскому вопросу» (S. 66).

Основное внимание в монографии уделяется деятельности Института военно-научных практических исследований, в состав которого входило 7 институтов, специализирующихся на различных направлениях. Деятельность не всех институтов была связана с военно-медицинскими исследованиями. Институт энтомологии, впоследствии отделение «М», возглавлялся Майем, занимался малярийными исследованиями. Он сотрудничал с Военно-медицинской академией. В качестве лабораторной площадки, по предложению Зиверса, использовался концентрационный лагерь Дахау, заключенные которого использовались как исследовательский материал для эпидемиологических инфекций – сыпного тифа, малярии и др. (S. 90-92). Опыты Мая были попыткой создания бактериологического оружия, где наряду с Дахау, использовался и концлагерь Аушвиц (S. 102). Автор устанавливает систему взаимодействия Аненербе и Института с другими научными структурами Германии и университетами.

Отделение «Н» занималось анатомическими исследованиями и осуществлением опытов над людьми. Его возглавлял Август Хирт. В годы войны он занимался фармакологией и военной токсикологией. Райценштайн отмечает, что научную карьеру как анатома Хирт сделал без поддержки ведомства СС, однако искушение расширить опыты и проводить исследования по противодействию боевым отравляющим веществам, таким как иприт, превратили его в преступника (S. 166). Автор отмечает связь Хирта и Зиверса в определении стратегии изучения иприта, и присутствие Зиверса на большом опыте Хирта над 240 заключенными блока 5 концлагеря Нацвайлер (S. 143). Деятельность Хирта связана и с анатомическим музеем в Страсбурге и коллекцией черепов Хирта (S. 117).

Отделение «R» осуществляло опыты в интересах люфтваффе, которыми руководил З. Рашер. Райценштайн установила, что Рашер был единственным сотрудником института, который имел доступ лично к Гиммлеру, минуя Зиверса, опираясь на симпатию и расположение рейхсфюрера СС. Опыты Рашера были направлены на определение возможности выживания человека при охлаждении организма и кислородном голодании, которые проводились над заключенными Дахау (S. 172-174). Райценштайн детально рассматривает «дело Рашера», связанное с похищением детей и последующим заключением Рашера в Бухенвальд (S. 200-210).

Деятельность института завершилась с окончанием войны. Автор прослеживает судьбу гиммлеровских исследователей в конце войны и особенно судьбу Зиверса. В конце исследования Райценштейн делает вывод об ответственности Зиверса за проводимые эксперименты в рамках Института военно-научных практических исследований (S. 300).

Монография Ю. Райценштайн представляет собой глубокий анализ деятельности Института военно-научных практических исследований, в рамках которого осуществлялась деятельность гиммлеровских исследователей. Опыты над людьми в концентрационных лагерях представляли собой преступную практику бесчеловечной медицины, ответственность за которую несет нацистский режим.

Shen Zhihua. Mao, Stalin and the Korean War: Trilateral Communist Relations in the 1950s. – New-York: Routledge, 2012. – 265 p. – ISBN 978-0-415-51645-7

Шэнь Чжихуа. Мао, Сталин и Корейская война: Трехсторонние отношения в 1950-е годы. – Нью-Йорк: Routledge, 2012. – 265 с. – ISBN 978-0-415-51645-7

Рецензент / Rezensent:

Галина Белолобская / Galina Belolyubskaya

Сложно представить себе более противоречивое и драматичное время, чем XX столетие. В череде революций, массовых войн, идеологических конфликтов и экономических кризисов корейской войне принадлежит своя, отдельная страница в истории. Как писали А. Орлов и В. Гаврилов: «После двух мировых войн конфликт на Корейском полуострове был самым масштабным по участию стран, вооруженных сил, размаху боевых операций и потерям»¹. Современная историческая литература изобилует исследованиями, освещающими ход боевых действий, геополитические, экономические и социальные последствия войны и т.д. Но как ни парадоксально бы это не звучало, в истории корейской войны главным белым пятном остается сам факт ее начала. Этой актуальной проблеме посвящена монография известного китайского историка Шэнь Чжихуа «Мао, Сталин и Корейская война: трехсторонние отношения в 1950-е годы», впервые опубликованная в Китае еще в 2003 году. Англоязычная версия была издана в 2012 году.

Работа Шэнь Чжихуа написана на основе широкого круга источников – это и мемуары участников событий, опубликованные интервью, официальные документы от дипломатической переписки и телеграмм до различных докладов, меморандумов и др. Особенно ценно, что автор не ограничился материалами китайских архивов и привлек обширный корпус документов как из российских, так и американских архивов.

Шэнь Чжихуа концентрирует свое внимание, прежде всего, на международных отношениях послевоенного мира. Отличительной особенностью монографии является то, что политические события 1945 – 1950 гг., приведшие к войне на Корейском полуострове, рассмотрены через призму советско-китайских отношений. Ключевые темы, поднятые автором, касаются следующих вопросов: во-первых, позиции СССР и, в частности, И.В. Сталина по отношению к корейскому конфликту, во-вторых, причин вступления Китая в войну, и в-третьих, трансформации советско-китайских отношений и их выхода на новый уровень после начала войны в Корее.

Как видим, не все аспекты мировой политики нашли свое отражение в работе. Делая упор на советско-китайские отношения, автор практически оставляет «за кадром» американскую внешнюю политику. И несмотря на то, что в названии фигурируют три страны – СССР, Китай и Корея во главе с Ким Ир Сенем, последней уделено гораздо меньше внимания.

Важно отметить, что среди историков нет единства взглядов о реальных причинах Корейской войны. Учитывая идеологическую ангажированность темы, встречаются прямо противоположные суждения. Одни возлагают вину за начало военных действий

¹ Орлов А.С., Гаврилов В.А. Тайны корейской войны. Серия «Военные тайны XX века. М.: Издательство «Вече», 2003. С.3.

непосредственно на Ким Ир Сена, другие – на США и/или СССР и их политику в регионе, третьи – на китайское руководство. Шэнь Чжихуа на основе детального анализа советско-китайских отношений в 1945 – 1950 гг. приходит к мнению, что Корейская война была начата не вследствие прямого противостояния СССР и США в Восточной Азии, а стала результатом конфликта интересов между СССР и Китаем в условиях «холодной войны». Согласно выводам Шэнь Чжихуа, «катализатором» событий послужила подготовка и подписание советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи 14 февраля 1950 года в Москве (С. 117). Не секрет, что по этому договору СССР отказался от своих прав на Китайскую Чанчуньскую железную дорогу, согласился на вывод своих войск из военно-морской базы Порт-Артур и на передачу Китаю своего имущества в порту Дальний. Столь значительные уступки со стороны СССР объяснялись не только стремлением создать сильный альянс двух стран против растущего американского, британского и японского влияния в Азии. По мнению Шэнь Чжихуа, в планы И. Сталина входило получение компенсации – выхода к портам Корейского полуострова, что укрепило бы положение СССР в регионе (С.118). Историк отмечает, что еще в период подготовки советско-китайского договора наметился сдвиг в советской стратегии по корейскому вопросу и на повестке дня появилась военная перспектива. В то же время И. Сталин, прекрасно понимая опасность прямого столкновения с США, дал понять корейской стороне, что за военной помощью им придется обратиться к Китаю (С.123). Шэнь Чжихуа полагает, что И. Сталин только выиграл от того, что Китай в итоге согласился оказать военную помощь Ким Ир Сену. Прежде всего, это отвлекло внимание Мао Цзэдуна от планируемой военной кампании на Тайваньском полуострове. Кроме того, Китай вступил в войну, находясь в рамках советской стратегии на Дальнем Востоке.

Шэнь Чжихуа интересуют также причины вступления Китая в войну. Он называет это решение «первой серьезной проверкой советско-китайского договора» 1950 года (С.149). Какова была позиция китайского руководства по данному вопросу? Автор не согласен с тем, что вступление Китая в войну было связано, либо с желанием удовлетворить просьбу И. Сталина, либо с намерением сохранить революционный импульс в самом Китае. Вслед за Алленом Уитингом², он приходит к выводу, что главной причиной было обеспечение государственной безопасности страны (С.175). Китай также был заинтересован в защите своих северо-восточных территорий, где были сосредоточены важные промышленные ресурсы страны. В результате Шэнь Чжихуа переносит большую долю ответственности за вступление страны в войну на Советский Союз и США.

Так или иначе, после вмешательства Китая в Корейскую войну, советско-китайские отношения выходят на новый уровень сотрудничества. Как доказывает автор, если до войны в отношениях двух стран сохранялись настороженность и неверие, то война в Корею сблизила оба государства, как в политическом, так и в экономическом плане. Правда, как показала история, ненадолго.

Как исследователь Шэнь Чжихуа ставит перед собой непростую задачу пересмотра укоренившихся концепций по истории Корейской войны, освобождения от старых идеологических конструкций и достижения максимально полной реконструкции событий тех лет. Автору, безусловно, удалось добиться нужного эффекта и создать основу для дальнейшего диспута. В настоящее время китайские историки, включая самого Шэнь Чжихуа, делают попытки отойти от версии, что действия руководства Китая были продиктованы исключительно соображениями национальной безопасности. За последние

² Whiting, Allen S. China Crosses the Yalu: The Decision to Enter the Korean War. Stanford: Stanford University Press, 1960.

годы они стали уделять гораздо больше внимания личности Мао Цзэдуна и совершенным им ошибкам, втянувших страну в Корейскую войну.

Schluchter, Wolfgang: Max Webers Späte Soziologie. — Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. — 350 S. — ISBN 978-3-16-153383-9

Шлухтер, Вольфганг: Поздняя социология Макса Вебера. — Тюбинген: Мор Зибек, 2016. — 350 с. — ISBN 978-3-16-153383-9

Рецензент / Rezensent:

Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

Вольфганг Шлухтер (р. 1938) — профессор emeritus Гейдельбергского университета, один из крупнейших исследователей и знатоков творческого наследия Макса Вебера. По признанию самого автора книги, корпус исследований, составивших рецензируемую книгу, возник в ходе работы над изданием Полного собрания сочинений Макса Вебера в 47 томах, которое увидело свет в 1984–2017 годах. В рамках данного масштабного проекта профессор Шлухтер выступил в роли редактора-издателя двух важнейших произведений Макса Вебера, относящихся к позднему этапу его творчества — «Собрания сочинений по социологии религии» и «Хозяйство и общество». Для рецензируемого издания предисловия к этим трудам Вебера были слегка сокращены и переработаны.

Центральное для книги понятие «поздней социологии» (*späte Soziologie*) Макса Вебера поставлено автором в ее заголовок вовсе не случайно. Говоря о месте «поздней социологии» в творчестве Макса Вебера, Шлухтер связывает ее с двумя веками в интеллектуальной биографии немецкого мыслителя. С одной стороны, Шлухтер имеет в виду прежде всего то обстоятельство, что в ходе своей интеллектуальной эволюции Вебер все более укреплялся в мысли о том, что «социология» является ключевой социальной наукой, служащей пониманию устройства современного мира и актуальных тенденций его развития и потому она всецело заслуживает того, чтобы в качестве научной дисциплины получить академическое признание в немецких университетах. Именно по этой причине он принял активное участие в основании в 1909 году «Немецкого социологического общества», а в последние годы своей жизни придавал огромное значение разработке понятийной систематики своей «понимающей социологии». Эти обстоятельства дают Шлухтеру основание для заключения, что «в ходе его, Вебера, интеллектуального развития социология в качестве “понимающей социологии” все больше выходила на первый план» (Schluchter, 2016: V).

С другой стороны, исследование позднего творчества Вебера требует внимательного изучения вопроса о том, какие темы и проблемы находились в фокусе его внимания как исследователя в этот период. В своей книге Шлухтер предпринимает попытку проанализировать эволюцию взглядов Вебера за период с начала XX века, когда он работал над одним из своих самых известных произведений «Протестантская этика и дух капитализма» (1904/1905) и вплоть до его смерти в 1920 году. Главный вопрос, на который Шлухтер пытается дать ответ, — это вопрос о том, как были связаны друг с другом два главных исследовательских проекта Вебера, над осуществлением которых он трудился в последние годы своей жизни. Речь идет, с одной стороны, о многотомной серии исследований по социологии религии, и о проекте «большой социологии», с другой, причем оба проекта остались незавершенными из-за смерти Вебера. Исследование данного круга вопросов не только составляет концептуальное ядро книги, но и определяет ее структуру, первая часть которой посвящена веберовской социологии религии, а вторая — основам его теоретической социологии.

Проект «большой социологии» вырастает из занятий Вебера исследованием обществ модерна на Западе и актуальных тенденций их развития. В последние годы своей жизни немецкий мыслитель всё больше склонялся к мысли о том, что для адекватного понимания данного круга проблем требуется тщательно разработанный понятийный аппарат, способный идеально-типическим образом выразить основные черты социального действия, социального порядка и его изменения в мире модерна. Поэтому в последние годы жизни Вебер работал над созданием оригинальной версии теоретической социологии, которая по ходу ее разработки принимала самые разные официальные формы. Сперва она выступала в виде глав для издания «Учебник политической экономии», переименованного затем в «Очерк социальной экономики», а после смерти Вебера соответствующие тексты были опубликованы его женой Марианной в виде *opus postumum* под названием «Хозяйство и общество». В Полном собрании сочинений Макса Вебера эти тексты публикуются в виде семи отдельных томов, материалы которых сгруппированы по предметно-тематическому принципу в соответствии с теми творческими планами и соображениями, которые удалось обнаружить в архиве немецкого мыслителя после его смерти.

Второй проект был посвящен разработке сравнительной социологии мировых религий, из которых Вебер выпустил только цикл статей, посвященный значению протестантской этики для возникновения современного рационального капитализма на Западе, а также подготовил три тома, посвященных индуизму и буддизму, даосизму и конфуцианству, и древнему иудаизму, соответственно. Четвертый том, посвященный западному христианству, Вебер написать не успел. Тем не менее его произведения по социологии религии, опубликованные в «Собрании сочинений по социологии религии», представляют собой второй важнейший проблемный комплекс, над исследованием которого Вебер работал в последние годы своей жизни. Подробное освещение хода работы Вебера над сравнительной социологией мировых религий составляет важнейшее достижение рецензируемой книги В. Шлухтера.

Одну из главных исследовательских гипотез, которые Шлухтер высказывает в своей книге о поздней социологии Вебера, составляет тезис о том, что эти два незавершенные проекта, осуществлявшиеся немецким мыслителем в рамках его исследовательской программы «понимающей социологии», взаимно дополняют друг друга. Для того, чтобы доказать свою точку зрения, Шлухтер прибегает к целому ряду биографических, текстологических и теоретических доводов, которые заслуживают отдельного разговора. Вкратце говоря, взаимную дополнительную двух исследовательских проектов Вебера Шлухтер усматривает в том, что оба они вращались вокруг одной осевой темы — проблемы возникновения, развития и культурного значения современного рационального капитализма западного типа. В свою очередь, разработка данного круга проблем требовала обращения к истории западноевропейской культуры и присущей ей особым форм рационализма. Именно эти рациональные формы и установки западноевропейской культуры, которые находились в фокусе внимания позднего Вебера, сделали возможным появлением мира модерна в современную эпоху на Западе. Более того, они и сегодня служат наиболее яркими характерными чертами данного типа культуры, существенно отличающимися его от культур и цивилизаций Востока. Четкая постановка вопроса об особенностях рационализма западной культуры в современную эпоху и ее исторических предпосылках составляет собой важнейшую составляющую вклада Макса Вебера в развитие современных социальных и гуманитарных наук.

В заключение отметим, что новая книга Вольфганга Шлухтера демонстрирует прекрасный пример того, как издание академического собрания сочинений классика современной мысли Западе способно придать новый импульс серьезному продвижению вперед в изучении его творческого наследия. Время покажет, обретет ли это по-новому реконструированное и истолкованное теоретическое наследие Макса Вебера «вторую жизнь» в актуальных исследованиях современного мира.

Klößner, Michelle: Kultur- und Freundschaftsbeziehungen zwischen der DDR und der Belorussischen Sozialistischen Sowjetrepublik (1958–1980). – (Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa, Bd. 87), Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. – 380 S. – ISBN: 978-3-515-11876-7

Клёкнер, Мишель: Культурные и дружеские связи между ГДР и Белорусской Советской Социалистической Республикой (1958–1980). – (Источники и исследования по истории Восточной Европы, Т. 87), Штутгарт: Издательство Франца Штайнера, 2017. – 380 с. – ISBN: 978-3-515-11876-7

Рецензент / Rezensent:

Александр Фридман / Alexander Friedman

В своей книге «Война германского вермахта и полиции 1941–1944: Оставшиеся в живых граждане СССР рассказывают» (1995) западногерманский журналист Пауль Коль (Paul Kohl) приводит примечательный диалог с одним минским таксистом, отвозившим его в 1985 году ночью в гостиницу «Планета», в которой, как правило, останавливались иностранные гости. Услышав немецкую речь, таксист посчитал нужным уточнить, из какой именно Германии прибыл гость: из ФРГ или же из ГДР? Ответ «ФРГ» пришелся водителю, по всей видимости, по вкусу и он поприветствовал пассажира словами «Добро пожаловать в Минск».¹ В своей диссертации (университет земли Саар, 2016) Мишель Клёкнер убедительно показывает, что описанный Кодем забавный случай не носил единичный характер: уже в середине 1960-х гг. гости из «братской» ГДР воспринимались в Белорусской Советской Социалистической Республике (БССР) порой как туристы «второго сорта», а предпочтение отдавалось куда более состоятельным гостям из Западной Германии (с. 315-317).

В центре внимания Клёкнер находится период 1960-х и 1970-х гг.: в 1958 были созданы «Союз советских обществ дружбы и культурной связи с границей» (ССОД) и его белорусский филиал БелОД («Белорусское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами»). Создание ССОДа, БелОДа и прежде всего Общества советско-германской дружбы и культурной связи (позднее Общество дружбы с ГДР, ОДСГ) придали качественно новый импульс культурным контактам между ГДР и СССР (и в том числе и БССР) (с. 17).

Рецензируемая работа имеет солидную источниковедческую основу. Автор использует разнообразные, до последнего времени малоизвестные материалы из архивов Беларуси, Германии и России (документы партийных и государственных органов, общественных организации т.д.), публицистику, литературные произведения, а также публикации периодической печати и интервью с участниками и очевидцами событий. Среди последних следует прежде всего выделить первого генерального консула ГДР в БССР Леопольда Волерта (Leopold Wohlert), подробно рассказавшего Клёкнер о деятельности дипломатического представительства ГДР в Минске.

Свой интерес к Советской Беларуси Клёкнер объясняет географической близостью этой республики к ГДР, богатым и трагическим совместным прошлым Беларуси и Германии, а также тесными экономическими контактами между БССР и ГДР. Именно эти особенности позволяют на примере БССР и ГДР проследить

¹ Kohl, Paul: Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941–1944: Sowjetische Überlebende berichten), Frankfurt am Main: Fischer-TB-Verlag 1995, S. 78.

противоречивое развитие малоизученных культурных и дружеских связей между СССР и Восточной Германией (с.15-18, 24-30, 35-44).

В введении автор поясняет понятие «социалистической национальной культуры», под которой в СССР и в ГДР подразумевался продукт материального базиса и духовной надстройки (с. 20), а кроме того подчеркивает важное значение культурной политики во внешней политике социалистических стран (с. 22-24). Клёкнер подробно анализирует деятельность обществ дружбы и культурной связи (с. 45-188), генерального консульства ГДР в Минске (с. 189-217), а также исследует контакты между жителями ГДР и БССР (туристические и служебные поездки, поезда дружбы, региональное партнерство и т.д.) (с. 218-354).

Клёкнер показывает, что созданное еще в 1949 году Общество германо-советской дружбы ГДР (DSF) акцентировало свое внимание на просоветской агитации и пропаганде в Восточной Германии и тесно сотрудничало с советскими коллегам. Принципы и конкретное содержание культурного обмена между двумя странами определялись в Москве и в Берлине. Минску же – белорусскому отделению СОДГ – отводилась, как правило, роль пассивного исполнителя принятых в центре решений (с. 79-81). Белорусское отделение СОДГ отвечало за проведение недель дружбы и дней культуры ГДР в БССР (1965). В 1966 году в ГДР прошли дни культуры БССР, познакомившие германскую публику с белорусской советской культурой. Белорусский язык – как важный признак самобытности белорусской нации – играл как в рамках дней культуры, так и в рамках других белорусских культурных мероприятий в ГДР (концерты коллективов народной самодеятельности и т.д.) лишь маргинальную роль, а сама БССР воспринималась как неотъемлемая часть СССР. Клёкнер видит в днях культуры БССР в ГДР результат характерной для хрущевской «оттепели» политики децентрализации, давшей определенным стимулом развитию культур национальных республик. С помощью подобных мероприятий Москва пыталась продемонстрировать за рубежом успехи советской национальной политики. После прихода к власти Леонида Брежнева (1964) политический вектор изменился и самостоятельность республик была ограничена: так новые дни культуры БССР в ГДР состоялись лишь в 1989 году (с. 119-121, 163-164)

Важным направлением деятельности DSF и СОДГ стало развитие сотрудничества между учебными заведениями, пионерскими организациями и рабочими коллективами двух стран. Делая ставку на контакты между коллективами, общества дружбы руководствовались преимущественно экономическими и политическими соображениями (с. 188). Аналогичные мотивы преобладали и в рамках регионального партнерства между Минском и Потсдамом (1968), а также Витебском и Франкфуртом на Одере (1969). Партийные органы стремились использовать региональное партнерство прежде всего для обмена опытом в области «социалистического строительства». С этой целью был организован регулярный обмен делегациями трудящихся, поездки которых проходили по досконально выверенному сценарию, не предусматривавшему создание возможностей для тесных контактов между гостями и принимающей стороной (с. 259-261) Ассиметричный характер германско-белорусской дружбы наглядно иллюстрирует абсурдная инсценировка, имевшая место в октябре 1974 года во Франкфурте на Одере: Желая представить ГДР в самом выгодном свете и угодить «старшим братьям» из СССР, для делегации из Витебска в воскресенье специально был открыт городской универмаг, в который для советских гостей предварительно были завезены дефицитные товары. Из партийных документов следует, что сотрудники универмага не только «с удовольствием» вышли на работу в свой выходной день, но и «добровольно» перечислили свою зарплату в пользу трудящихся Чили – жертв военного режима Аугусто Пиночета (с. 252-253).

Отчеты руководителей туристических групп, публикации прессы и другие источники позволяют Клёкнер проследить развитие туризма между БССР и ГДР, формирование туристических групп (тщательная проверка участников, поощрение за трудовые и общественные успехи и т.д.), их идеологическую подготовку к поездкам («достойное» поведение за границей и т.д.) и сам ход путешествий (программа и т.д.). Среди особенностей «социалистического туризма» следует отметить его коллективный характер, посещение «социалистических достопримечательностей» (новые предприятия и т.д.), дополнявших традиционную культурную программу, а также мест, связанных с историей Второй Мировой войны (концлагерь Бухенвальд, монумент «Воин-освободитель» в берлинском Трептов-парке, мемориальные комплексы «Хатынь» и «Курган Славы» под Минском) (с. 319-322).

И в ГДР, и в БССР официальная пропаганда культивировала образы республик, «восставших из руин» Второй Мировой войны и добившихся значительных успехов на пути построения социализма. В то время как в ГДР подчеркивался антифашистский характер республики и ее «безграничная признательность» советским воинам-освободителям, то БССР снискала в СССР славу «партизанской республики» (с. 163-164, 259-261). Клёкнер показывает, что события Второй Мировой войны наложили серьезный отпечаток на развитие отношений между БССР и ГДР и служили временами причиной конфликтов и недоразумений между немцами и белорусами. Именно официальный антифашизм позволил ГДР завоевать симпатию немалого числа жителей Беларуси, воспринимавших успехи «братской страны» в том числе и как заслугу СССР (с. 360). Одним из символов германского антифашизма стал в 1960-е годы солдат вермахта Фриц Шменкель (Fritz Schmenkel), перешедший в ноябре 1941 года на сторону советских партизан и павший в феврале 1944 года от рук нацистов (с. 345-353).

Затрагивая историю генерального консульства ГДР в Минске, Клёкнер отмечает, что дипломатическое представительство не имело серьезного политического или экономического влияния, но в то же время внесло вклад в развитие культурных связей между ГДР и БССР и приложило значительные усилия для создания положительного образа «младшего германского брата» в Советской Беларуси. Открытие консульства в 1972 году было обусловлено важным экономическим значением БССР для ГДР, растущим количеством туристов из ГДР и граждан этой страны (студенты, специалисты) в БССР, а также не в последнюю очередь личной дружбой партийных руководителей Петра Машерова и Эриха Хонеккера (с. 215-217).

В заключении своей работы Клёкнер подчеркивает, что государственная политика дружбы несмотря на всю ее противоречивость и ярко выраженный политический и экономический прагматизм содействовала развитию контактов между населением ГДР и БССР и позволила жителям этих стран лучше узнать друг друга (с. 360-361).

Диссертация Мишель Клёкнер – многоплановый и интересный анализ культурных и дружеских связей между БССР и ГДР в широком контексте внутренней и внешней политики Советского Союза и Восточной Германии. Работа открывает новые перспективы для будущих исследований взаимоотношений ГДР и СССР и может по праву считаться важным этапом в развитии белорусских исследований в Германии, концентрировавшихся до последнего времени на периоде Второй Мировой войны.

Lepsius, Mario Rainer: Max Weber und seine Kreise. Essays. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. – XI, 324 S. – ISBN: 978-3-16-154739-3

Лепсиус, Марио Райнер: Макс Вебер и его круги. Эссе. – Тюбинген: Мор Зибек, 2016. – XI, 324 с. – ISBN: 978-3-16-154739-3

Рецензент / Rezensent:

Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

Рецензируемый здесь сборник представляет собой одну из посмертных публикаций работ известного немецкого социолога Марио Райнера Лепсиуса (1928-2014). Книга была подготовлена к печати его сыном Оливером – юристом и философом права, профессором Университета Мюнстера. В ней собраны 16 текстов о Максе Вебере, носящих скорее характер эссе. Автор, имя которого в Германии обычно указывают в сокращенной форме – М. Райнер Лепсиус – исследует широкий круг вопросов, связанных с жизнью и творчеством классика немецкой и мировой социологии. Его в первую очередь интересуют следующие тематические комплексы: исходная постановка вопроса у Вебера и интеллектуальное эхо его сочинений, представления о профессиональной деятельности политика и политическая активность самого ученого, а также сформировавший его биографический и исторический контекст. При этом вошедшие в сборник тексты были написаны в течение большого временного периода – около 30 лет. Некоторые из них были обнаружены сыном в архиве исследователя и публикуются впервые: «Влияние политических порядков на человека: опасения и надежды Макса Вебера 70 лет спустя», «Макс Вебер и немецкий университет», «Макс Вебер в Италии», а также небольшой трактат о доме Веберов в Гейдельберге («Культурный либерализм, культурный протестантизм, культурный феминизм»).

Такое длительное по времени и разнообразное по тематике изучение автором личности и идейного наследия основателя социологии объясняется тем, что Лепсиус, являвшийся обладателем нескольких почетных научных наград (включая звания почетного доктора) и членом нескольких академий (включая иностранные), сам в течение многих лет являлся ординарным профессором Гейдельбергского университета, с которым тесно связана деятельность Макса Вебера. Перу этого исследователя принадлежат работы, посвященные изучению различных аспектов жизни современных обществ: современному институциональному развитию¹, теории демократии², немецкому объединению и европейской интеграции³, социальной структуре индустриального общества⁴, а также истории социологии как саморефлексии модерна⁵. Но не меньшую известность он приобрел именно в качестве соиздателя полного академического собрания сочинений Вебера – знаменитого 47-томного *Max-Weber-Gesamtausgabe* (MWG)⁶. Это уникальное историко-критическое издание задало новые стандарты для исследований в области

¹ Lepsius, M. Rainer: *Interessen, Ideen und Institutionen*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990.

² Lepsius, M. Rainer: *Demokratie in Deutschland. Soziologisch-historische Konstellationsanalysen; ausgewählte Aufsätze*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993.

³ Lepsius, M. Rainer: *Institutionalisierung politischen Handelns. Analysen zur DDR, Wiedervereinigung und Europäischen Union*. Wiesbaden: Springer VS, 2014.

⁴ Lepsius, M. Rainer: *Soziale Schichtung in der industriellen Gesellschaft. Mit einer Einführung von Wolfgang Schluchter*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2015.

⁵ Lepsius, M. Rainer: *Soziologie und Soziologen. Aufsätze zur Institutionalisierung der Soziologie in Deutschland*. Hrsg. von Oliver Lepsius. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017.

⁶ Horst Baier, Gangolf Hübinger, M. Rainer Lepsius, Wolfgang J. Mommsen, Wolfgang Schluchter, Johannes Winckelmann (Hrsg.): *Max-Weber-Gesamtausgabe (MWG)*. 47 Bände. Mohr-Siebeck, Tübingen 1984 ff.

истории социологии во всем мире. Последние тома данного мегапроекта, продолжавшегося более 30 лет, вышли в 2018 году. Отныне именно на него следует ориентироваться при рецепции и просто цитировании работ классика всем исследователям, включая русских. По признанию посвященных, Лепсиус сыграл ключевую роль в реализации этого грандиозного интеллектуального предприятия, начиная с обсуждения концепции серии в середине 1970-х годов.

Несмотря на то, что написанные им сочинения не очень велики по объему, а его книги в основном представляют собой именно сборники статей вроде рецензируемого здесь издания, в глазах мирового вебероведения Марио Райнер Лепсиус заслуженно считается корифеем или „grandseigneur“, по выражению известного немецкого социолога Дирка Кеслера. Более того, он был одним из наиболее влиятельных социологов сначала Западной, а затем и объединенной Германии второй половины 20 – начала 21 века. Его выдающиеся работы и организационный талант получили официальное признание: с 1971 по 1974 год ученый возглавлял Немецкое социологическое общество, основанное еще в 1909 году Максом Вебером, Фердинандом Теннисом, Вернером Зомбартом и др.

Структурно книга состоит из пяти частей: раздел I. «Ученый и его влияние», посвящен веберовской исследовательской программе в самом широком смысле и включает а) исследования уникальности и потенциала социологии М. Вебера (S. 3-19), б) анализ применимости его подхода к изучению институтов в контексте немецкого объединения (S. 20-37), в) оценку прогностического дара классика применительно к рискам модерна (S. 38-50), г) применение ключевого понятия веберовской эвристики социального «харизма» к *modus operandi* режима личной власти Адольфа Гитлера в рамках нацистской диктатуры (S. 51-57), а также д) реконструкцию роли Вебера в качестве основателя современных социальных наук (S. 58-75). Здесь стоит особо отметить осуществленный Лепсиусом с помощью веберовской оптики анализ процессов деинституционализации современного политико-правового порядка в рамках харизматического господства, когда «произвол правителя не ограничен никакими институциональными границами» (S. 54).

Раздел II. «Профессиональный политик» (S. 79-114) содержит два небольших текста: об активности Макса Вебера в контексте учреждения упоминавшегося выше Немецкого социологического общества и о его взаимоотношениях с германскими университетами. А в разделе III. «Путешественник» (S. 117-140) М. Райнер Лепсиус приводит уникальные данные о многомесячной поездке Вебера в США в августе-ноябре 1904 года, а также о его неоднократном (более 10 раз!) пребывании в Италии в период с 1899 по 1913 год.

Очень личным, даже в буквальном смысле интимным моментам в жизни Макса Вебера посвящен раздел IV. «Человек в его взаимоотношениях», самый объемный в книге. В него вошли пять исследований биографии, личных связей и социальной среды выдающегося ученого. Обсуждаемый здесь спектр тем очень широк – от ключевого для всего вебероведения вопроса об исторической контекстуализации социологии начала 20 века (S. 143-158) до реконструкции жизни семейства Веберов в доме на Цигельхойзер Ландштрассе, 17 в Гейдельберге (S. 159-209), а также запутанной истории его любовных отношений с Миной Тойблер (S. 210-231) и Эльзой Яффе (S. 232-251). Завершается раздел исследованием о роли Мюнхена в жизни Макса Вебера и сохранении памяти о нем в баварской столице (S. 252-271). Здесь читатель может почерпнуть подробности не только из личной, но и из интеллектуальной жизни великого ученого – например, тот факт, что уже будучи мировой знаменитостью Вебер лишь с незначительным большинством голосов был избран членом Баварской академии наук и мн. др.

По мнению некоторых критиков, именно в биографическом разделе проявилось не только мастерство Лепсиуса в прояснении отдельных моментов или интерпретации конкретных веберовских идей, но и его собственная социальная принадлежность к той же буржуазной среде, к которой принадлежал и открыто себя относил сам Вебер. Так, в статьях этой части сборника отчетливо выражается тонкое понимание автором этой сцены

и таких ее жизненно-стилевых особенностей, как урбанность, образованность, риторическая мощь, обаяние и суверенитет носителя высокой современной культуры. Например, в статье «Культурный либерализм, культурный протестантизм, культурный феминизм» Лепсиус на примере гейдельбергского дома Веберов мастерски реконструирует семейную и публичную жизнь протестантской «буржуазии образования» в Германии рубежа 19 и 20 веков, подчеркивая ее либеральный дух и несколько умаляя экономическую основу культивируемой ею открытости – в виде крупной семейной собственности. Неудивительно, что под его пером построенная в 1847 году по заказу деда Вебера вилла с ее многочисленными обитателями превращается в галерею ярких образов представителей известных немецких научных, предпринимательских и творческих династий – в свое время автор лично проводил занимательные экскурсии по зданию, ныне используемому Университетом Гейдельберга в качестве международного образовательного центра...

В заключительном разделе V. «Полное собрание сочинений Макса Вебера» (S. 275-313) автор повествует о замысле, структуре и библиографических параметрах данного издательского проекта, ставшего событием в мировом вебероведении. Здесь следует отметить, что Оливеру Лепсиусу при составлении и подготовке издания помогал другой соиздатель MWG и не менее крупный знаток Вебера и его рецепции – Вольфганг Шлюхтер.

В точном соответствии с названием книги в ней литературно изящно и при этом социологически точно выявляются тематические, персональные и географические круги, центром которых являлся Макс Вебер. Так, не опускаясь до бестактностей при реконструкции его запутанных отношений, например, с той же Эльзой Яффе или музыкально одаренной Миной Тойблер, автор через их анализ приходит к важным содержательным заключениям: например, в рамках исследованной им констелляции становится более понятной генеалогия веберовской социологии музыки и т.д. Остается только сожалеть, что Лепсиус не успел написать отдельное исследование о самой главной женщине в жизни Вебера – его жене Марианне, ставшей после его смерти активным популяризатором идей своего гениального мужа...

В любом случае, данный сборник тестов выдающегося исследователя веберовского наследия М. Райнера Лепсиуса позволяет заинтересованному читателю приобщиться к высочайшей интеллектуальной культуре и страстности подхода к изучаемому предмету, характерной не только для автора, но и для его героя. Хочется надеяться, что уже очень скоро книга станет доступной и для русской публики, неравнодушной к жизни и творчеству великого социолога.

Botschafter Rudolf Nadolny: Russlandkenner oder Russlandverstehер?: Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917-1953 / hrsg. und bearb. von W. Baumgart. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. – 449 S. - ISBN 978-3-506-78663-0

Посол Рудольф Надольны: специалист по России или ее знаток?: Дневники, переписка, речи, 1917-1953 / сост. и подг. В. Баумгартом. Падерборн: Издательство Фердинанд Шёнинг, 2017. – 449 с. - ISBN 978-3-506-78663-0

Рецензент / Rezensent:
Леонтий Ланник / Leontij Lannik

История российско/советско-германских отношений в XX в. не может пожаловаться на недостаток внимания исследователей или на дефицит фундаментальных публикаций самого разного жанра. Тем не менее, целый ряд основных акторов и отдельных их этапов долгое время оставались лакунами, которые лишь постепенно заполняются новыми работами. Одной из таких является, несомненно, документальная биография Р. Надольны, германского дипломата, отдавшего почти полвека своей жизни выстраиванию партнерских отношений между Германией и Россией, при самых различных режимах и сквозь две смертельных схватки. Блестящий выбор главного героя, при всей мнимой его очевидности, а также оптимальный по объему (чуть более 400 страниц текста вступления, документов и примечаний) и структуре набор публикуемых документов из более чем обширного его наследия стали следствием огромного, не уступающего таковому у самого Надольны, опыта профессора В. Баумгарта, также более 50 лет остающегося одним из лучших специалистов по широкому спектру тем, связанных с «тысячелетием примечательной дружбы» между Россией и Германией.

Чрезвычайно отрадно стремление составителя не столько предложить именно свой взгляд на личность маститого дипломата или блеснуть уникальностью архивных открытий, сколько соединить результаты исследований предшествующих публикаций документов, труд других специалистов (Я. Цинке), также привлеченных им к изданию, а также учесть богатое (143 папки в фонде) наследие, в том числе мемуары и главного героя книги. Уже поставленный в заглавие вопрос и вступление к книге задают высокий уровень современного биографического исследования, с вниманием к массе субъективных особенностей: личности, семье, психологии и системе ценностей Р. Надольны. Следует отметить строго выдерживаемый В. Баумгартом приоритет в освещении событий почти полувековой продолжительности: львиная доля книги посвящена высшей точке карьеры Р. Надольны, крайне недолгой кульминации всех его усилий – его пребыванию на посту посла в Москве в конце 1933 – середине 1934 г. (С. 146-255). Не раз близок он был и к тому, чтобы возглавить германское внешнеполитическое ведомство. В публикуемом (многие из них впервые) 151 документе содержится - пусть и не столь подробно - масса интересных сведений и сюжетов и по другим этапам двусторонних отношений, например, участие Надольны в подготовке будущего Брестского мира (С. 61-69). Вряд ли можно говорить о сплошном и равномерном изложении в данном сборнике перипетий всего жизненного пути германского дипломата, хотя в перечне документов есть и бумаги последних недель его жизни. Здесь представлен достаточно тщательный и хорошо продуманный отбор лишь тех документов из его наследия, которые наиболее наглядно демонстрируют последовательные и, увы, далеко не всегда успешные усилия Надольны на избранном им главном направлении усилий. Нет сомнения, что не будь столь явной концентрации внимания В. Баумгарта именно на отношениях Германии и России, то в данном собрании оказались бы чрезвычайно интересные документы, связанные с

«нероссийскими» этапами карьеры Надольны, с его работой в Стокгольме, в Анкаре и, более подробно, о миссии в Женеве, а то и о недолгой работе в ведомстве адмирала Канариса в 1941 г. Эти мнимые пробелы тем более бросаются в глаза, что при желании не менее информативную подборку через призму участия именно этого дипломата можно было бы сделать, например, о германо-персидских, германо-турецких, германо-литовских или -польских отношениях первой половины XX в., где он также сыграл заметную, а порой и важнейшую роль.

Данную работу можно считать одной из необходимых платформ для подготовки целой серии новых исследований по самому широкому набору проблем истории взаимоотношений России и Германии. С первых же страниц книги становится заметна тема особой роли Восточной Пруссии как специфического транспарентного приграничного региона, вклад уроженцев этой славяно-германской провинции во взаимовосприятие и выстраивание контактов между двумя странами. Тем не менее, это вовсе не значит, что для Надольны судьба Остэльбии была важнее партнерства двух империй. В. Баумгарт сумел доказать это за счет уникального для тогдашнего германского общества согласия на необратимость утраты если не всех территорий до Одера-Нейссе, то по меньшей мере Восточной Пруссии, согласия, созревшего уже в 1946-47 гг. как раз у того, кто был оттуда родом. Именно 75-летний Надольны оказался способен одним из первых признать, что концепция «польского коридора» была страшной ошибкой с самого начала (С. 43-44, 291-312). Характерно, что участь бывших восточных провинций Германии вовсе не единственный пример широты и уникальности политического анализа Надольны, ведь именно он в 1946-48 гг. упорно стремился – не считаясь с репутационными издержками, ведь его обвиняли в просоветских взглядах еще в 1930-х гг. – доказать ошибочность мнения о безальтернативности холодной войны и долгосрочного раздела Германии (С. 40-41, 286-291). То, что он в этом не преуспел, доказывает не столько его наивность или недалекость, сколько неготовность и узость мышления его современников, включая К. Аденауэра, к которому он – после глубокого разочарования 1-м Берлинским кризисом и эмиграции на Запад в 1949 г. – также обратился с проектами воссоединения Германии с помощью одной из сверхдержав (С. 46, 360-364). Вплоть до последних дней своей жизни Надольны сохранял готовность к самым смелым политическим маневрам, ведь он уже 14 марта 1953 г. попытался добиться немедленной интенсификации контактов между ФРГ и Берией (С. 428), полагая возможным немедленно приступить к нормализации отношений, начав с урегулирования вопроса о военнопленных. Исторического, особенно по последствиям, визита Аденауэра в СССР в 1955 г. ему застать уже не довелось.

Подобная смелость и готовность рискнуть была у Надольны и до величайшей трагедии Германии во Второй мировой войне. При всей широте его взглядов и отказа от идеологизированных предубеждений ради своей цели он мог быть крайне неуступчив, склочен, Надольны рисковал карьерой и лишился многого из-за упорного нежелания подстраиваться под мнение высшего руководства. Именно он организовал – хотя и долго в этом не признавался – знаменитую провокацию с дипломатическим багажом в начале ноября 1918 г., приведшую к разрыву советско-германских отношений в последние дни Кайзеррейха (С. 22, 109-110). Затем это стоило ему упорного нежелания советского руководства видеть его на столь желанном посту посла в Москве, куда он мог быть назначен еще до 1933 г. трижды (в 1922, 1928 и 1932 годах). Однако для Надольны куда важнее должности было отстаивание избранного курса, ведь не ради должности он конфликтовал с всеильным до осени 1918 г. Людендорфом в период пика его могущества, настаивал на нормализации отношений Москвы и Берлина в 1920-22 гг., став одним из теневого отцов и идеологов Рапалло, упорно добивался согласия на свой проект развития советско-германского сотрудничества в 1934 г., встречая непонимание не только критикуемого им Гитлера и его партийного окружения, но и коллег из германского внешнеполитического ведомства, заискивавших перед новыми властями Германии

(С. 35, 255). Тем большим был его восторг перед якобы открывавшимися после пакта Молотова – Риббентропа перспективами, одним из непризнанных идеологов которого он мог (и был вправе) себя считать (С. 29, 281-285). Тем не менее, Надольны ошибался, желая видеть во временной сделке стратегический поворот в желаемом ему направлении. Именно поэтому ни о каком возвращении на дипломатическую службу в 1939 г. не могло быть и речи, хотя сам отставной посол был к этому готов даже в конце 1940-х гг.

Подобная если не апологетическая, то достаточно драматическая и лестная для устремлений истинного патриота Германии Р. Надольны складывается благодаря в первую очередь отточенному умению В. Баумгарта в подборе, реферировании и расположении документов, с которыми, разумеется, сложно спорить. Отдельно следует отметить как всегда у этого специалиста хорошее владение российской историографией, а следовательно безупречные комментарии, без неточностей в нюансах российской истории, столь часто встречающихся у многих германских исследователей. Конечно, эти пояснения вполне можно было бы и дополнить, но с учетом явного стремления к оптимизации объема, в дополнениях в комментариях, строго говоря, нет нужды, ведь они достаточно для поставленных в публикации целей.

Вполне возможно, что составитель скорее симпатизировал своему герою, нежели пытался его раскритиковать. Тем не менее, проделанная работа оставляет достаточно места для контрастных оценок, штампов и эпитетов в адрес одного из не слишком известных за пределами Германии идеологов германской *Ostpolitik*, ведь Надольны можно (вслед за Геббельсом и Штреземаном) счесть и «ослом», и отпетым пруссаком, и неудачливым продолжателем «восточного курса» Бисмарка, но для оценки данной публикации это явный плюс. При всей неоднозначности дипломатической работы, при сложных перипетиях в судьбе и всего немецкого народа, и отдельных германских ведомств, в том числе дипломатического, со страниц данного издания Надольны предстает последовательным, принципиальным, но гибким в поиске приемлемых альтернатив настоящим германским патриотом, до конца своей 83-летней жизни не утратившим ни веры, ни энергии в деле, которому посвятил себя еще до первой русской революции, 1905 года. Делом этим стало выстраивание прочных и взаимовыгодных российско-германских отношений, хотя в первой половине XX в. для этого оказалось не столь много возможностей.

Следует признать, что в русскоязычной историографии темы фигура Р. Надольны пока так и не заняла вполне достойного ей места, наравне, например, с фон Шуленбургом или графом У. фон Брокдорф-Ранцау, что не только доказывает крайнюю актуальность выхода в свет этой очередной блестящей работы В. Баумгарта, но и подсказывает российским специалистам возможные сферы приложения внимания и усилий.

Fleischhauer, E.I.: Die Russische Revolution - Lenin und Ludendorff (1905-1917). Borsdorf: Edition Winterwork, 2017. – 888 S. - ISBN 978-3-96014-247-8

Фляйшхауэр, Е.И.: Русская революция – Ленин и Людендорф (1905-1917). Борсдорф: Эдицион Винтерворк, 2017. – 888 с. - ISBN 978-3-96014-247-8

Рецензент / Rezensent:
Леонтий Ланник / Leontij Lannik

Новая книга известной исследовательницы Е. Фляйшхауэр обречена на интерес, а значит, на успех как в Германии, так и в России, несмотря на почти пугающий по нынешним меркам объем и, казалось бы, поднадоевшую за последние 100 лет тему о «германском следе в русской революции». Читателю не придется преодолевать затянутое и полное оговорок традиционное вступление и затяжной историографический экскурс. Достаточно быстро он столкнется с первыми разоблачениями, намеками и версиями (например, что германским агентом за 20 лет до своей гибели мог стать, а то и явно стал (с помощью Бонч-Бруевича?) Григорий Распутин, а до того он был еще и австрийским агентом, завербованным лично Редлем, что Гельфанд-Парвус познакомился с Людендорфом в Одессе, еще весной 1894 г., а Ленин уже в 1900 г. был хорошо оплачиваемым германским Генштабом эмигрантом, ведь жил в Мюнхене уже на полученные от этого ведомства через Парвуса деньги, Гапон устраивал Кровавое воскресенье в тесном сотрудничестве с большевиками т.д. и т.п., С. 15, 18-19, 22-24, 38). Если германский читатель и сможет отнестись к таким «новостям» лишь с удивлением, то в России ревизия ленинской биографии в подобном радикальном духе вызовет неподдельный ажиотаж.

Объем книги, казалось бы, вполне отвечает вынесенной в заглавие громадной теме трех русских революций и Великой войны. Излагаемый массив фактологии таков, что не может быть и речи об излишнем многословии. Внушительное количество сносок убеждает в солидном научно-справочном аппарате, по меньшей мере на трех языках. Список литературы и источников оказывается в дальнейшем далеко не исчерпывающим, однако автор обращался к ряду поистине редких трудов, в том числе и таких, где ссылаются на ничем не подтвержденные заявления ветеранов различных спецслужб, в отставке посвятивших себя преувеличению своей значимости, заведомо пристрастных эмигрантов или документы, впоследствии якобы исчезнувшие, а потому доказательные примерно в той же степени, что и работы «отца российской истории» В.Н. Татищева (например, о встречах Красина и Людендорфа в 1916 г. по О'Коннору, С. 58, прим. 203, на исследование Поссоны о контактах революционеров с японцами, С. 32, прим. 81). Лишь по мере ознакомления с общей манерой доказательства автором своей концепции неоднородный по качеству подбор ссылок получает определенное объяснение. Е. Фляйшхауэр настолько сконцентрирована на главной гипотезе, а также столь убеждена в необходимых для нее утверждениях (о шпионаже), что позволяет себе не углубляться, например, даже в базовые и даже немецкоязычные работы о русской армии накануне Первой мировой войны, которые бы не только заставили нарастить объем, но и вынудили к пересмотру ряда предположений, например, о деятельности военного министра Сухомлинова. Не нашлось места и более подробному рассмотрению деятельности следственной комиссии адвоката Муравьева, рассмотренной лишь на уровне историографии и мемуаров 1920-30-х гг., хотя есть подробнейшая современная биография Муравьева и т.д. и т.п.

Вероятно, лучше всего стилистические и логические особенности данного исследования характеризует фраза из рекламного проспекта издательства к этой увесистой книге - о «почти детективной и кропотливой работе автора в архивах в течение десятков лет», хотя подобные характеристики чаще всего сопровождают сенсационные журналистские расследования. Дискутировать с излагаемыми в них версиями было всегда чрезвычайно непросто, а в данном случае задача осложняется действительно титаническим объемом проделанной работы, опытом и высоким профессионализмом автора. Помимо эффектных заголовков специалист сразу же обратит внимание и на весьма удачные и эксклюзивные биографические экскурсы Е. Фляйшхауэр, выдающие в ней незаурядного знатока редких эпизодов истории большевистской партии и биографии Ленина. Несколько в меньшей степени то же можно сказать и о сведениях относительно судьбы и карьеры второго главного героя, Эриха Людендорфа, однако в целом паритет в освещении обоих великих исторических личностей в книге соблюдается. Конечно, можно было бы указать на ряд неточностей в изложении карьеры будущего главы ОХЛ, в частности на трактовку его участия в борьбе за увеличение германской армии в 1911-1913 гг. (сводимому едва ли не к исключительно усилению германской разведки и контрразведки (!), - хотя в действительности речь шла о беспрецедентном в истории Кайзеррейха наращиванию вооруженных сил на почти на 130 тысяч человек за 3 года, - С. 77-78), кончившуюся для Людендорфа «ссылкой в строй», что имело решающее значение для поворота в его дальнейшей карьере, на что и сама автор обращает (ниже) особое внимание. Однако для российского читателя такие «нюансы», да и в целом большее внимание к Ленину, а не к Шлиффену и истории германской армии, неограниченное доверие к мемуарам глав разведок (В. Николаи и М. Ронге) и к исследователям спецслужб, а не к классической военной историографии о Первой мировой войне и армиях стран-участниц покажется достаточно интересным.

Для лучшей иллюстрации особенностей изложения фактов, отобранных в интересах отстаиваемой теории заговора, и во избежание излишнего объема рецензии уместно будет обратиться к разбору лишь одного из параграфов, в котором избирательный подход к обширному списку литературы и источников приводит к особенно наглядным в своей дискуссионности выводам. Речь идет об описании битвы при Танненберге, которая по мнению и самой Е. Фляйшхауэр, и многих известных политиков и писателей XX века (достаточно вспомнить А. Солженицына) сыграла решающую роль как в судьбе обоих главных героев, так и в судьбе революции в России, а значит и в Германии.

Параграф достаточно логично продолжает прекрасно, пусть и не бесспорно разобранный первый акт трагедии срыва германского плана войны на Западе в августе 1914 г., с подробным описанием истинной и предполагаемой роли Э. Людендорфа в событиях под Льежем и не только (С. 181-191). Уже подзаголовок главы про первый месяц войны категоричен в своей уверенности: «Начатки военного сотрудничества», таким образом читатель должен полагать факт шпионской деятельности Ленина, содействовавшей разгрому армии Самсонова при Танненберге, доказанным. Список использованной литературы, в первую очередь германской, но не только, может впечатлить – здесь и труды самого Людендорфа, и М. Гофмана, и официальная версия Рейхсархива, и публикация документов профессором В. Эльце, и книга генерала фон Франсуа. Это дает надежду на развенчание наиболее одиозных мифов о битве в Восточной Пруссии, и некоторые из них автором вполне справедливо отвергнуты: о якобы заранее имевшем место гениальном плане Людендорфа (и/или Гинденбурга), об исключительной роли Людендорфа в исправлении ошибочного решения Приттвица об отступлении за Вислу еще по телефону из германской Ставки, легенды вокруг назначения на должности в 8-ю армию и самого Людендорфа, и Гинденбурга, нюансы личных взаимоотношений между германскими генералами, отличившимися под Танненбергом, а также конфликты внутри российской военной элиты и ряд других деталей истории сражения (С. 192-193, 197, 214-216 и т.д.), имеющих важное значение для

последовательно выстраиваемой Е. Фляйшхауэр версии. Однако на фоне этих аргументированных и крайне необходимых – с учетом отсутствия в германской историографии по-настоящему современного исследования о битве при Танненберге, а не о ее последствиях и созданном мифе – вскоре начинаются домыслы и гипотезы, уже отнюдь не столь правдоподобные. Постепенно и в этой, несомненно очень тщательно подготовленной главе становится очевиден характерный почерк в логических построениях: все то, что подходит под «теорию заговора», подмечено, выявлено в редких изданиях и подкреплено ссылками на самом высоком профессиональном уровне. А вот все не слишком вписывающиеся в желаемую картину событий важнейшие факты игнорируются, откровенно замалчиваются, а то и намеренно опровергаются без каких бы то ни было пояснений.

Как и в других главах книги видно стремление автора использовать и отобранные ею сравнительно новые работы российских историков, что выгодно отличает ее от большинства германских коллег, а также опереться на классические русскоязычные версии событий Великой войны, авторства Данилова, Зайончковского, Керсновского, пусть даже критика этих книг давно уже выявила их существенные изъяны, наряду с очевидными достоинствами. Но и в данном отношении подбор работ и высказываний не предполагает возможные сомнения в заранее предложенной версии роковой роли шпионажа в судьбе армии Самсонова, даже с целью их последующего разбора и опровержения. Напротив, для пущей стройности своей концепции Е. Фляйшхауэр усиленно пытается синхронизировать события вокруг Ленина и Людендорфа 19-22 августа 1914 г., пытаясь намекнуть, а затем и уверить читателя в том, что Ленин и в эти дни активно работал на благо Эвиденц-бюро в Кракове (как и 2 года его деятельности до этого, ни много ни мало готовя экспансию Центральных держав на восток, (С. 111-126)), что он поставлял сыгравшую важнейшую роль в разгроме Самсонова секретную информацию прямо в Кобленц – ведь дозвониться-то якобы столь легко! (С. 200-202) Как это сочетается с известными примерами тяжелейших проблем связи даже на куда более близких расстояниях и внутри одного государства в 1914 г., как можно после таких «открытий» подробно разбирать миссию Хенча (С. 220 и далее), вызванную тем, что Мольтке-младший не смог поддерживать нормальную связь между Люксембургом и армиями правого крыла германского фронта на Марне (то есть на расстоянии в 250 км по прямой)? Связь между австро-венгерской и германской Ставкой оставляла желать лучшего и много позже, а уж всерьез полагать, что из провинциального корпусного управления (в Кракове) методично и крайне вовремя (!), минуя длинную цепь бюрократических процедур, передавали сведения в соседнюю империю, да еще прямо в Ставку в Кобленц, где их тут же клали на стол Г. Мольтке-младшему, можно лишь при очень большом стремлении увидеть желаемое.

Откуда же были у эмигранта Ленина получаемые прямо-таки немедленно (и раньше, чем это удавалось командующему Северо-Западным фронтом Жилинским и самому Николаю Николаевичу) сверхценные и сверхдостоверные сведения? Но тут сразу же поясняется, что германскими агентами были связанные впоследствии с большевиками М.Д. Бонч-Бруевич и офицер Генштаба С.С. Каменев (С. 218), занимавшие (правда, с сентября 1914 г., то есть уже после Танненберга) важные посты на Северо-Западном фронте, что не дремал и Сухомлинов, и сеть его креатур (С. 214) и клеветов во главе с Мясоедовым (уже на стр. 65 уверенно говорится о шпионаже последнего, хотя в российской историографии есть десятки статей и книг, посвященных разоблачению сфабрикованных в 1915-1917 гг. дел о шпионаже), что через В. Воровского и его связи в «Сименсе» вся радиотелеграфия в русской армии была у германской разведки в кармане (С. 202-206). Разумеется, автор ощущает шаткость притянутых догадок, признает, что фамилию сверхэффективного агента в русских штабах надежно установить не удастся, однако реальность заговора подтверждается Е. Фляйшхауэр с помощью многочисленных цитат и германских, и русских военачальников, подтверждавших, что слишком уж многое

было известно противнику о действиях русской армии. Что ж, с последним трудно спорить, однако только самый искренний энтузиаст истории спецслужб будет считать версию шпионажа единственно верной. Венцом же объяснений в недостатке улик является версия о том, что генерал П.К. Ренненкампф был убит в 1918 г. приказом Антонова-Овсеенко и руками агента германской разведки латышским революционером Я.М. Свикке (Родионовым) (С. 223-224) именно для того, чтобы не стали известны лишние для большевиков подробности восточнопрусской трагедии 1914 г., ведь – воспринимаемый автором без какой бы то ни было критики командующий 1-й армией – оказался на редкость принципиальным противником всякого сотрудничества с ленинскими приспешниками.

Однако если в вопросе об источнике сведений и их возможной передаче по шпионским каналам многое может остаться в сфере догадок навсегда, то применительно к давно и хорошо известному ходу Восточно-Прусской операции в августе-сентябре 1914 г. автор подходит без излишних церемоний. С учетом используемой литературы читатель был бы вправе ожидать тонкого разбора кризисов и нюансов битвы при Танненберге, с анализом личных факторов и свидетельств очевидцев, однако все это слишком мешало бы продавливать излюбленную гипотезу, а потому Е. Фляйшхауэр до странности неточна. Описание сражений при Сталлупёнене и Гумбинене в лучшем случае поверхностное (С. 208-209), причем повторяются – на удивление – штампы российской пропаганды. Знакомая с книгой генерала фон Франсуа, безмерно преувеличивавшего успехи своего 1-го корпуса, автор умудряется «забыть» о тяжелых неудачах отдельных русских корпусов в обоих столкновениях, о нерешительном итоге битвы к вечеру 20 августа, о том, что в межвоенной германской историографии Гумбинен считали едва ли не победой 8-й армии, всего лишь неиспользованной из-за нервной реакции Приттвица на донесение о подходе к южной границе Восточной Пруссии армии Самсонова. Объяснение же подобным неточностям Е. Фляйшхауэр найти легко: если бы она подробно описала тяжелое состояние армии Ренненкампфа к вечеру 20 августа, вполне естественные после этого промедления, нерешительность и ошибки, то и роковое значение шпионажа и заговоров для разгрома 2-й армии при бездеятельности 1-й получило бы иное и куда менее захватывающее объяснение. Разумеется, было бы абсурдным отрицать тяжелые проблемы со связью в русских армиях, а также важнейшее значение радиоперехватов и дешифровки русских приказов и сообщений для успешных действий 8-й армии, однако и сводить всю историю Танненберга лишь к игре Людендорфа с заведомо известными ходами противника совершенно не верно. У Эльце и Гофмана, развенчивавших мифы о гениальности Людендорфа еще 90 лет назад, вполне достаточно сведений об очень непростом ходе окружения армии генерала Самсонова.

Весьма примечательно, что со штампами русской военно-патриотической версии тут же соседствуют и такого уже уровня штампы из пропаганды германской. Так, чтобы подчеркнуть абсолютную уверенность штаба 8-й армии – явно благодаря шпионским сведениям, поставляемым Лениным из Кракова, - в ходе концентрации сил против армии Самсонова, Е. Фляйшхауэр всерьез утверждает, что против «полных сил 24 пехотных и кавалерийских дивизий» армии Ренненкампфа была лишь 1 дивизия, 1-я кавалерийская (С. 219), будто бы она сама ранее не подчеркивала сильный некомплект русских частей вследствие мобилизации и поспешного вторжения в Восточную Пруссию, будто бы 1-я армия и вовсе не несла потерь в ходе кровопролитных боев в течение всего августа. Ради эффектной и совершенно лубочной картины в виде «1 дивизия против 24-х» забыты и ландштурменные, ландверные и крепостные части в укрепленном районе Кёнигсберга, и гарнизон Лётцена, и ландверная бригада в Мазурских озерах, и неоднократные и порой импровизированные попытки Людендорфа оставить против подступающей 1-й армии по меньшей мере 1 дивизию из 1-го резервного корпуса генерала фон Белова. Конечно, на бумаге превосходство в силах армии Ренненкампфа над прикрывавшей большую часть фронта 1-й германской кавалерийской дивизией было сокрушительным, однако без

дополнительных и существенных оговорок – например о том, что соприкосновения с противником войска Ренненкампа долгое время не имели, а русская кавалерия действовала крайне пассивно – такие утверждения выглядят попросту тиражированием ура-патриотической германской пропаганды еще межвоенных лет. Некоторое внимание автор уделяет роли Кёнигсберга в дезориентации 1-й армии, зато почти полностью забывает об имевшем ключевое значение форте Бойен под Лётценом, выдержавшем не слишком настойчивую осаду русских войск, и сохранившем под контролем кратчайший путь между армиями Самсонова и Ренненкампа через Мазурские озера. В вопросе о количестве взятых при Танненберге пленных автор также повторяет устоявшуюся со времен победных фанфар и во многом сомнительную цифру в 95 тысяч пленных (С. 218), хотя и упоминает, что из кольца прорвались все же до 10,5 тысяч русских солдат и офицеров.

Хватает и неточностей: начальником штаба 20-го армейского корпуса (вообще не слишком удостоенного внимания автора) был полковник Хелль, а не Хайль (С. 212), без каких бы то ни было комментариев показана роль ландверной дивизии фон дер Гольца – по описанию в данной книге возникает ощущение, что этот с трудом найденный в Шлезвиг-Гольштейне и едва вовремя подоспевший к решающим боям резерв являлся вполне себе сравнимой по боеспособности с кадровыми германскими корпусами силой, которой уверенно ставили задачи по разгрому русского 13-го армейского корпуса, - не слишком точно описан ход действий 1-го армейского корпуса Франсуа под Уздау (С. 211, опять же: на фоне знакомства с работами и самого Франсуа, и Гофмана, и Эльце!), из-за первых неудач которого 25-26 августа 1914 г. Людендорф приходил в бешенство, порой считая операцию проваленной.

Слишком уж многие детали военной истории, пусть и несколько тенденциозно, но все же в высшей степени подробно описанные и во 2-м томе официальной истории Великой войны Рейхсархива, и в базовом труде его сотрудника Шэфера «Танненберг», попросту проигнорированы. Причем, по-видимому, всего лишь потому, что с их учетом предельно акцентированная на шпионаже картина разгрома армии Самсонова с помощью шпионажа и тайных сговоров германского и австро-венгерского Генштабов с российскими революционерами сменилась бы представлением о полной совпадений, тяжелых психологических кризисов и ошибок командования обеих (!) сторон битве. Тогда помимо неудобных для общей концепции книги мифов пришлось бы развеять и ряд домыслов, для ее создания весьма востребованных, а от общего замысла Танненберга как колокола для будущей большевистской революции, позаимствованного из очередной вынесенной в эпилог эффектной цитаты, надо было бы перейти к не столь захватывающему для массового читателя военно-историческому исследованию, где сюжеты о шпионаже и роковых информационных утечках в ходе Восточно-Прусской операции 1914 г. заняли бы подобающее им место: всего лишь одного из факторов.

Объем, жанр и отводимая рецензии роль не позволяют ни более подробно остановиться на данном, занимающем лишь несколько процентов текста сюжете в этом обширном труде, ни перейти к хотя бы такого же уровня подробности критике и всех остальных параграфов, посвященных несомненно интереснейшим эпизодам в истории продолжавшегося якобы по меньшей мере 12 лет плодотворного сотрудничества Ленина и Людендорфа. Остается лишь пожелать автору написать не менее увлекательный второй том о взаимоотношениях главных героев в последующие 6 лет жизни Ленина, а возможно и о оставшихся 20 годах жизни Людендорфа, а также – по выходу из печати русского перевода данной книги – ознакомиться с массой рецензий специалистов по российской истории, многие из которых после ознакомления с концепцией Е. Фляйшхауэр окажутся попросту вынуждены выступить с подробным разбором как отдельных рассматриваемых в книге эпизодов, так и с анализом в целом этой новейшей масштабной попытки поставить точку в идущих уже более столетие дискуссиях о том, был ли и в какой степени Ленин германским платным агентом.

Hierasimowicz, Konrad: Belarus 2.0: weissrussische Geschichts- und Identitätsdiskurse im Zeitalter der Onlinemedien. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2017. – 249 S. – ISBN: 978-3-447-10901-7

Герасимович, Конрад: Беларусь 2.0: Белорусские дискурсы истории и идентичности в эпоху онлайн-медиа. – Висбаден: Харрасовиц Ферлаг, 2017 год. – 249 с. – ISBN: 978-3-447-10901-7

Рецензент / Rezensent:
Андрей Замоиский / Andrei Zamoiski

Становление независимой Беларуси совпало со стремительным ростом сети веб и революцией в медиальной сфере. Распад СССР и провозглашение Республики Беларуси знаменовал поиск форм представления своего прошлого. В начале 1990-ых гг. было использовано символическое наследие созданной сто лет назад в 1918 году Белорусской Народной Республики (БНР). Герб «Погоня» и бело-красно-белый флаг, сохраненные в общинах белорусской эмиграции, получили статус государственных символов. Приход Александра Лукашенко к власти летом 1994 г. ознаменовал возврат к советской модели интерпретации белорусской истории и идентичности (с. 89.) По данным референдума 1995 года власти сменили государственную символику. Официальными символами государства с этого времени стали несколько изменённые варианты герба и флага Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР). В то же время так называемая «оппозиционная» символика широко представлена и активно используется в сети Интернет. Можно говорить, о том, что пользователь всемирной паутины сейчас сталкивается с двумя основными дискурсами, касающихся тем белорусской истории, языка, идентичности: так называемым «официальным», поддерживаемым государственными структурами и «неофициальным» (в том числе так называемым «оппозиционным»), который поддерживается частью белорусского интернет-сообщества.

Данная проблема стала одной из тех, которые легли в основу исследования Конрада Герасимовича. Автор достаточно подробно анализирует дискурсы по темам, связанным с историей Беларуси, белорусской идентичности в современной Всемирной сети, в том числе и в различных интернет-медиа и на веб-сайтах и платформах.

Монография Конрада Герасимовича знакомит читателя с историей развития всемирной сети Интернет в Республике Беларусь. В ней представлены такие моменты, как появление белорусского домена BY, стремительное развитие белорусского сегмента всемирной сети, рост числа пользователей, развитие национальных новостных и поисковых порталов для различных целей и т.д. В то же время основной упор в монографии сделан на так называемом Web 2.0. (названому так в противовес условно «устаревшему» Web 1.0), который подразумевает «совместное участие» интернет-пользователей в развитии веб-сайтов всемирной паутины, в совместном создании, развитии и верификации («проверке») пользовательского контента. Простота и удобство использования, а также функциональная совместимость с другими продуктами сделали подобные веб-сайты и платформы популярной площадкой для представления различной графической и визуальной информации (Википедия, Youtube).

На основании анализа статей Википедии в своей монографии автор рассматривает то, как отражались в Интернете различные этапы истории Беларуси, в том числе нахождение белорусских земель в составе Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи и СССР. Представленная на страницах Википедии информация, касающаяся исторического прошлого Беларуси, была создана самими

пользователями сети. Автор указывает на то, что основными создателями и пользователями белорусской версии Википедии являются учёные, студенты, журналисты. Автором изучены различные аспекты и возможности предоставления информации на белорусскоязычных и русскоязычных страницах Википедии и прочих веб-сайтов. Особое внимание уделено методикам визуализации информации, в том числе исторических карт, изображений памятников культуры, а также роликов на национальную тематику на хостинге youtube.

Автор признает несомненную роль новых технологий в различных сферах жизни белорусского общества, в том числе в дискурсах о развитии национального самосознания белорусов, роли и месте белорусского языка и белорусских национальных символов (флага и герба).

Одной из тем, обсуждаемых в монографии, стал дискурс в Википедии и всемирной сети на тему названия страны «Беларусь» или «Белоруссия» (с.155-157). Очевидно желание и энергичные действия белорусского интернет-сообщества для продвижения единого названия «Беларусь» для современного названия республики в русскоязычном сегменте всемирной паутины.

В монографии также обсуждается языковая ситуация в республике, в частности феномен так называемой «трасянки», формы речи в которой произошло смешение языковых структур русского и белорусского языков (с. 99). В силу авторитарного характера государственной власти в Беларуси и жесткой цензуры массмедиа, Интернет остаётся той сферой, где происходит не только противопоставление «официального» и «неофициального» (так называемого «оппозиционного») дискурсов, но и возможность обсуждения и отстаивания своей точки зрения, что невозможно в других массмедиа (государственных телевидении и радио, печатной прессе). Автор отмечает, что несомненную роль и влияние в наше время получают различные медиальные практики, с которыми пользователь сталкивается на базе таких всемирных социальных сетей как «Фейсбук», «Вконтакте», «Твиттер» и других. Социальные сети дают пользователям возможность выражать своих взгляды, которые могут значительно отличаться от тех, которые представлены официальными государственными интернет-изданиями.

В основу монографии Конрада Герасимовича легло диссертационное исследование, выполненное в докторантуре Гиссенского университета имени Юстуса Либиха в 2016 году. Сквозь призму новых технологий и методов, характерных для традиционного исторического и социологического анализа, а также различных методов и техник цифровых гуманитарных наук (digital humanities), автор проанализировал значительный пласт доступной в сети Интернет информации. Монография опирается на богатую литературу, в том числе работы белорусских, российских и польских исследователей.

Монография Конрада Герасимовича, безусловно, представляет собой интересное исследование не только развития белорусского сегмента сети Интернет, но и роли различных практик в медиальном контексте в дискурсах об истории, языке, идентичности белорусов на рубеже 20 и 21 тысячелетий.

Данное исследование представляет интерес для исследователей, журналистов, историков, занимающихся не только белорусской тематикой, но и проблемами развития национальных сегментов всемирной паутины. Работа Герасимовича представляет собой, пожалуй, одно из первых научных (академических) исследований роли новых технологий в развитии интернет-сообщества в Беларуси. Можно пожелать, чтобы монография была переведена на русский или белорусский язык.